

18+ Светлана Кутузова

Дальневосточные записки

Светлана Кутузова

Дальневосточные записки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67068159

ISBN 9785005592613

Аннотация

Когда-то деревья были большими, люди – маленькими, сотовых телефонов не было, а в некоторых городах приходилось не жить, а выживать, причем в самом прямом смысле этого слова. История Дальнего Востока в автобиографической хронике петербургской писательницы и поэтессы Светланы Кутузовой предстает выпукло и явно. Ярко и остро писательница рассказывает об ушедшем времени и том, с какими жизненными вызовами ей пришлось столкнуться.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Дальневосточные записки

Светлана Кутузова

© Светлана Кутузова, 2022

ISBN 978-5-0055-9261-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Что мотивирует нас на переезд? Что влечет, когда мы едем посмотреть другие города и страны? Веет ли перед нашим носом дух приключений или нас манят другие культуры и интересные люди? Каждое путешествие таит в себе новые неисследованные возможности, радость открытий и узнавания? Или мы просто сбегает от рутины и скуки, чтобы дорога стряхнула с нас пыль усталости?

Путешествия я полюбила много позже. Тогда же, незадолго до переезда на Дальний Восток, я всего лишь мечтала жить у моря. У какого, правда, не уточняла. Считала излишним так прицельно мечтать. А еще я очень любила Китай. Это была какая-то странная любовь, которая была навеяна, как и все в моей жизни, совершенно мистическими вещами.

Интернета в моем детстве не было от слова «совсем». Гороскопы казались вершиной мудрости и печатались в редких изданиях под видом альтернативных знаний. Я тогда, за неимением лучшего, почитывала «Химию и жизнь» (ее выписывал мой дедушка) и тоненькие приложения к одному из научных журналов, в которых для начинающих исследователей непознанного было полное раздолье.

В одном из них предлагалось выслать свои данные для расчета судьбы по квадрату Пифагора. Я отправила заявку и долго ждала ответного письма. Оно пришло примерно че-

рез месяц — один листок, испещренный мелким печатным текстом. Все, что я запомнила оттуда — это фразу, что в прошлой жизни я была мужчиной и жила в Китае.

Правда это была или нет, но Китай прочно засел у меня на подкорке. И почему-то, по какой-то нелинейной логике, я начала учить вдруг китайский язык. По тому же журналу. Почему «Химия и жизнь» вдруг начала печатать уроки китайского для меня и по сей день остается загадкой. По вечерам перед началом занятий по каратэ я сидела в библиотеке и выписывала, аккуратным и плотным почерком из большой и толстой книги, все, что могла найти про культуру Китая.

Все это до сих пор выглядит странным. И у меня нет ответа — почему так получалось или случилось. Но в итоге где-то наверху Китай и море срослись и получился... Дальний Восток. Город Находка.

Глава 2

Любовь – это тотальнейшая жертва, и я не знаю исключений из этого правила. Это умение полностью отказаться от своего «я» для того, чтобы другому человеку было хорошо. Это жизнь его приоритетами, его выборами и его смыслами. Мы бунтуем часто против этой истины, но на самом деле именно так и случается в гармоничных отношениях, потому что один всегда уступает, а другой всегда определяет «генеральную линию партии». Компромисс недостижим. Невозможно одновременно сделать карьеру и вырастить чудесных детей. Если вы с утра до вечера на работе, то детей растит няня или бабушка. Поэтому если ваш выбор – дети и семья, то вы прощаетесь с мечтами о карьере. Если в семье нет денег, то вы не паритесь о том, кем вы хотели бы быть, вы просто идете и работаете, хоть дворником, чтобы в доме были хлеб и масло. И если этого недостаточно, вы ищете еще пару других работ, чтобы любимые вами люди ни в чем не нуждались. Вы планомерно отодвигаете свое «я» в самые далекие уголки своего сознания, потому что хотите, просто хотите быть рядом с этим человеком. В его мире. В его системе ценностей. Любовь не выбирает расстояния, страну, город, цвет кожи и нацию. Она не смотрит в кошелек и не гадает об удобстве. Она честно отдает себя на заклятие.

И это не императив, который я хочу выставить как дол-

женствование. Это то – как я строила свою жизнь в течение достаточно долгого времени. И это и ответ на вопрос, почему я все-таки уехала на Дальний Восток.

Уехала, оставив сцену, где тогда начинались мои первые концерты. Уехала, получив внимание всего Петербурга, потому что мои стихи транслировались на радио, а преподаватели в Университете подходили и приглашали в гости на чай, чтобы обсудить творчество. Уехала, имея «зеленый билет» в аспирантуру после прекрасно защищенного диплома. И почти получив должность коммерческого директора в прекрасной компании.

Такая любовь всегда имеет плату. Мы платим за то, что отказались от себя. Я не пишу сейчас о людях, которые находят в самом факте любви и семейной жизни конечный пункт назначения и свое счастье. Я пишу о тех, в ком есть смутное ощущение, что какая-то глубинная часть личности осталась погребенной и глубоко несчастной. Браки распадаются, дети вырастают, и мы остаемся наедине с собой в этом ощущении тотального несчастья, не зная, что нам делать дальше. Ведь мы так преданно служили своей любви.

Моя жертва оказалась избыточна. Потому что человек, который был рядом со мной, жил так, как ему было удобно. А не так, чтобы нам всем было хорошо. В этом еще один подводный камень всех жертвенных отношений. Тот, кто отдает все, не умеет попросить или сделать так, чтобы получить взамен хоть что-то, что компенсировало бы его жертву.

Я не умела.

Я не знала своих желаний, не знала себя. Только все время чувствовала смутную тоску, понимая, что все сложилось совсем не так, как мне бы хотелось.

Впрочем, не умела я тогда и задумываться об этом. И все эти мысли мне тогда не приходили в голову. Ни карьера, ни творчество, ни личный рост не занимали меня так сильно и не давали мне таких эмоций и такой радости, какую давали взаимные чувства. Поэтому, полагаю, мой выбор был пред-
решен.

Почему мы так часто выбираем другого в ущерб себе и не слышим, совсем не слышим себя? Почему мы обоготворяем его до такой степени, что держимся за те отношения, которые потом причиняют нам только боль и разочарование? Почему позволяем возле себя быть людям, для которых мы совсем не так же значимы и ценны, какими они являются в то же время для нас?

Полагаю, психологи скажут, что дело в низкой самооценке. Но вещи эти, увы, не постигаются умом. Только горьким и весьма и весьма трудным опытом.

Глава 3

Я совсем не люблю горы. Они меня не манят, не вдохновляют, не радуют. Но Дальний Восток – это прежде всего горы. Желтая, выжженная солнцем трава – сухостой. Узкие дороги, на которых так трудно разъехаться и обгонять нужно всегда по встречной. А море... До моря нужно было добираться достаточно долго. Если на автобусе – то на двух, примерно около часа. На машине, конечно, гораздо быстрее, но машины тогда у нас не было, да и быть не могло.

Дальний Восток всегда славился любителями машин. Там всегда можно было недорого купить машину из Японии и, подшаманив, продать. Примерно половина населения так и выживало, помогая купить хорошую японку родне и знакомым на Западе (Запад – это вся остальная Россия, хоть Москва, хоть Новосибирск. Ну просто потому что вся Россия находится западнее Владивостока) и удачно положив небольшую, но вкусную маржу в карман. Вторая половина покупала что-то недорогое, приводила в порядок, ездила на этой машине полгода, потом продавала уже с наваром. Так за несколько лет можно было вполне добраться до добротного джипа.

На машину у нас долго просто не было денег. И после того, как мы купили старую Тойоту Камри, я еще долго не хотела садиться за руль. Но однажды, у нас уже тогда был Нис-

сан, муж вдруг сказал мне, чтобы я сдавала на права, потому что ему надоело все время отпрашиваться, чтобы возить нас куда-то с ребенком. А ездить нужно было много: нашему новорожденному сыну требовалось то внимание врачей, то детское питание и подгузники, то новая одежда.

У меня было одновременно дикое желание и дикий страх садиться за руль. Когда-то один известный в Питере астролог сказал мне, что мне нельзя за руль. Я тогда грезила собственным мотоциклом и крутой кожанкой. Почему-то мне казалось, что это будет очень здорово – рассекать на высокой скорости по городу в такой модной одежде. Но гуру питерской астрологии, широко известная в узких кругах, сказала, чтобы я не портила ей статистику, так как все клиенты у нее остались живы, и что про транспортные средства мне надо забыть совсем.

Через много лет я узнала, что это ее предсказание относилось только к тому году, когда я к ней приходила. Она рассмеялась, узнав, что все это время я боялась сесть за руль. А я подумала, какая я все-таки глупая, что верю всему подряд.

Тем не менее, этот страх жил во мне долго. Так долго, что, когда друзья и знакомые предлагали мне научиться водить, я говорила, что сяду за руль только если умрет мой муж и у меня совсем не будет альтернативы.

Предложение мужа начать учиться на права снова подняло во мне эту волну страхов. Мне стали сниться бесконеч-

ные аварии, какие-то темные тени говорили мне, что я обязательно погибну. Но при этом я понимала, что испытываю нечеловеческий восторг от самого процесса езды. Так в конечном итоге и оказалось. Езда за рулем надолго стала моим излюбленным видом отдыха от рутины и способом поднять себе настроение.

Почему-то с правами все сложилось совершенно волшебным. Я вдруг познакомилась с человеком, который был лично знаком с начальником ГИБДД, возглавлявшим приемную комиссию. На экзамене мне простили одну лишнюю ошибку в билетах. Но накануне экзамена по вождению мне все-таки рекомендовали съездить на площадку и потренироваться.

Это был чертовски хороший совет. Потому что автошколе я не посещала и осваивала машину в так называемом режиме самоподготовки. Он сводился к тому, что муж вывозил меня на заброшенную взлетную полосу и просто предлагал понажимать педали. Машина дергалась подо мной и не хотела ехать. Но худо – бедно что-то получалось.

Инструктор, которого я наняла вечером накануне экзамена, пришел в легкое замешательство, когда увидел, что у меня на педалях стоят сразу обе ноги, и я попеременно пытаюсь нажимать ими газ и тормоз. Иногда они нажимались вместе. Он сказал, что если я не убегу немедленно вторую ногу, то он выйдет из машины и пойдет домой, потому что ему еще охота жить.

В следующие три часа мы освоили параллельную парков-

ку задним ходом, въезд в воображаемый гараж и объездили всю площадку. Меня трясло, и я была мокрая, как мышь. Но он сказал, что в первый раз видит женщину, которая не путает поворотники и так быстро осваивает задний ход. Полагаю, сказалось мое врожденное чувство пространства.

Экзамен прошел на ура, хотя нас и подстраховал преподаватель автошколы, который честно состриг с нас по паре денежных бумажек, чтобы сидеть на пассажирском месте и тихонько подсказывать, если мы вдруг начинали тупить за рулем.

Глава 4

Конечно, в самой Находке мы не жили. Мы жили в селе, которое называлось Золотая Долина. Когда муж получил распределение, то даже не смог найти это место на карте. Ему ткнули примерно на Хабаровск. Узнав, что оттуда нужно добираться еще около суток, он был крайне удивлен.

Я тоже мало понимала, куда именно я попаду. А увидев, испытала дикий прилив тоски и отчаяния.

Очень многие военные гарнизоны – это несколько домов в поле. Дома типовые, в основном пятиэтажные, облицованные белыми мелкими плиточками. Кто жил в таких, всегда их узнает. Иногда встречаются кирпичные двухэтажные дома с высокими потолками. Гарнизона было два – летный и ракетный. Работать муж стал в ракетном, но жилье нам дали в старом, летном. Один маленький магазин на 6 домов, бесконечная взлетная полоса и сопки.

Мне totally не хватало в этом краю зелени летом и нормального снега зимой. Не хватало простора для глаз. Не хватало обилия визуальных впечатлений, городской суеты и постоянной суеты больших городов. Поэтому, когда мне удавалось добраться до Находки, я садилась на остановке на вокзале и жадно дышала выхлопными газами от проходящих машин. Этот воздух был для меня роднее, чем все ароматы природы вместе взятые.

Добираться до города, тем не менее, было не просто. В день ходило всего три автобуса, а зимой и их можно было не дожидаться. Так, однажды, бережно собрав в баночку возделенные анализы, будучи беременной, и прождав на морозе при минус 17 градусах около часа, я вернулась домой и просто выбросила в ведро образовавшееся желтоватое мороженное. Автобус так и не пришел.

До работы мужу нужно было ходить пешком около трех километров. Три километра туда, затем в обед обратно, потом с обеда снова туда и вечером снова обратно. То ли жизнь учила выживать нас в самых экстремальных условиях, то ли российской армии в целом совершенно наплевать на людей.

Бытовые прелести «радовали» нас не меньше. Когда летный гарнизон был еще действующим, летчики сливали авиационное топливо прямо в землю. Поэтому вода, которая шла из-под крана, часто пахла керосином, в ней плавали непонятные мутные хлопья и она переливалась радужными пятнами.

Пить такую воду, конечно, было нельзя. Поэтому приходилось ходить на родник и набирать воду оттуда. Кухня была заставлена пластиковыми бутылками с родниковой водой, которые постепенно начинали тухнуть, и их приходилось все время менять.

Совершенной неожиданностью оказалось отсутствие газа и газовых плит. Поэтому, когда вдруг в гарнизоне отключалось электричество, а это было достаточно регулярно (боль-

шая нагрузка на сеть перед Новым годом, например, или тайфун, который обязательно и всегда повреждал провода линии передач), можно было ложиться и умирать. Нельзя было согреть еду. Нельзя было смыть воду в туалете и помыться, потому что вода подавалась насосом из скважины, а он тоже работал от электричества. Батареи почти мгновенно становились холодными.

Мы прилипали к окну и смотрели, как ярким желтым пятнышком бегает по улицам фонарик электрика, который пытается найти обрыв. Иногда без электричества приходилось сидеть несколько дней, если провода были повреждены где-то далеко от наших домов.

В доме зажигались свечи. И маленькая портативная газовая плитка, которая, конечно, не давала тепла, но помогала согреть еду. Детей накрывали несколькими слоями одежды, чтобы они не замерзли ночью. И да – доступной сотовой связи тогда не было.

Год? Нет, друзья, не 1941. И не 1990. Всего лишь 2004. Или, например, я напишу 2006. Хотя от этого мало что изменится.

Глава 5

Военные гарнизоны всегда ассоциировались у меня с моим детством. Это маленький и уютный мирок, в котором постепенно становится очень тесно. Когда ты растешь в нем и познаешь мир, он кажется тебе вполне безопасным местом. Но постепенно ты понимаешь, что уже знаешь в нем все уголки, все дорожки исхожены и ты уже вырос и хочешь большего.

По сравнению с гарнизоном, куда мы попали, тот, в котором я выросла, казался практически целым городом. Домов было много – шестьдесят или больше. Я никогда не задавалась задачей вести точный подсчет, но разгуляться было где. Была своя школа, свой сельский клуб с серьезной и внушительной библиотекой и спортивным залом с огромными окнами от пола до потолка.

На стене этого клуба я когда-то получила свое самое первое признание в любви. Это было невероятно романтично и красиво. Клуб был только что выкрашен, и солдатик срочной службы, который пытался за мной ухаживать, ночью написал на нем огромными буквами коричневой масляной краской: «Светлёнок, я люблю тебя!». Его трепетные и полные доброты и любви письма я потом еще долго хранила. Они напоминали мне, каким может быть мужчина на самом деле. Каким он должен быть. Но мне было всего пятна-

дцать...

Пять домов теперешнего гарнизона казались мне краем мира, на котором не понятно, как вообще можно выжить. И можно ли?

Я маялась от невозможности куда-нибудь сходить, с тоской смотрела на единственное развлечение офицерских жен – досужие беседы о насущном на лавочке, на унылые ободранные обои, и не понимала – как я вообще могла здесь оказаться?

Во второй комнате об упущенных возможностях напоминали двадцать коробок книг. Я бережно и долго собирала свою библиотеку, бережно перевезла ее на Дальний Восток. Но потом жизнь скрутила меня в бараний рог так, что времени на чтение совсем не осталось. С течением времени я стала читать все меньше, понимая, что мне мало что интересно и что я мало что могу найти в новых книгах. Возможно, когда-нибудь я вернусь к книгам снова. Ведь что может быть чудеснее путешествия в другие миры, в сознание другого человека. Из такого общения мы всегда выходим новыми, другими.

Вторая половина этой комнаты была завалена картошкой. Ее выдавали целый мешок. Тогда еще существовали армейские пайки и на них можно было вполне сносно питаться. Картошки было очень много. Мы раскладывали ее на просушку, а потом перепрыгивали через картошины, которые разбегались по полу во все стороны. Огромной радостью бы-

ли две потрошенные горбуши. Мне это казалось невероятной редкостью, и первое время я все не могла ею наесться. Через год я поняла, почему все местные и старожилы гарнизона даже не смотрят в ее сторону, а ищут где бы поживиться хорошей белой рыбой. Почти на каждой кухне можно было увидеть огромную трехлитровую банку с подсолнечным маслом, в которой плавали наспех нарезанные кусочки этого рыбьего деликатеса.

Гораздо интереснее было самим купить горбушу с икрой. Но нужно было уметь отличить самца от самочки. Был целый ряд признаков, в основном – опущенный крутой дугой нос. Если удавалось найти такую рыбу, то, бережно освободив из нее икру, можно было засолить вполне приличную баночку и потом радостно вкушать ее.

К слову сказать, попробовать в избытке этих деликатесов мне так и не удалось. Все, что можно было найти в магазине интересного, например, даже мороженные креветки, привозилось откуда-то из других регионов. Креветки, например, из Владимирской области. Наиболее ценная морская продукция практически вся шла на экспорт – в Японию. На внутреннем рынке оставалось то, что добывалось браконьерским путем. Иногда нам перепадало что-то от знакомых, которые промышляли таким способом – ловили втихую трепангов и осьминогов. История, на самом деле, очень опасная, и не только из-за высоченных штрафов, на которые приходилось закрывать глаза, иначе было просто не выжить, но и по-

тому что осьминог в схватке один на один легко мог оказаться победителем.

Муж однажды принес домой огромное осминожье щупальце, которое извилисто распласталось в нашей ванной. Дочь опасливо заглянула в нее, посмотрела на это невероятное нечто, нахмутив брови, и сказала, что морских жителей она больше не будет есть никогда.

Кроме круп и консервов в пайке было несколько килограммов масла. Его огромный кусок, который занимал половину полки в холодильнике, часто озадачивал меня вопросом, как быстрее и правильнее его истратить, чтобы он не пропал. Поэтому я щедро и очень много клала его в картофельное пюре, которое становилось от этого божественно вкусным.

Глава 6

На самом деле, после переезда на Дальний Восток очень многое казалось абсурдным и не правильным. Не правильными были слишком высокие цены, например, на лекарства цена отличалась аж в три раза по сравнению с Петербургом. Примерно на столько же дороже стоила мебель. Потому что тоже везлась с Запада.

Логистика Дальнего Востока была так странно устроена, что технику из Японии, мебель и огромное количество других товаров растамаживали через Москву, поэтому даже то, что находилось совсем рядом территориально, по иронии судьбы было дешевле купить в Москве, чем в Находке.

Зато было очень «удобно» пилить местный лес и продавать его в Китай. Обратно из Китая закупалось ДСП, которое щедро развозилось по всей России. Потом из него делали мебель. И потом ее продавали уже нам на том же самом месте, где недавно вырубали лес. Иногда мне кажется, что в нашей стране многое устроено через... Гусары, пожалуй, промолчат.

Денег катастрофически не хватало. Зарплата только что пришедшего военнослужащего была примерно в три раза меньше, чем менеджера среднего звена в Питере. То есть тут баланс был в обратную сторону. Примерно половину ее приходилось отдавать в оплату за коммунальные услуги.

Над оставшимися деньгами можно было сидеть и плакать. Нас спасла небольшая подушка безопасности, которую мне удалось сделать перед отъездом.

Очень многое приходилось выбивать, доставать, приду-мывать, изобретать практически из воздуха, к чему мой супруг, откровенно говоря, был совершенно не готов. Так предложение проштробить стены, чтобы спрятать проводку, вызвало у него полнейший ступор. Поэтому на день рождения пришлось подарить ему достаточно большой ящик с разными инструментами, чтобы как-то поощрить в нем отсутствие природных мужских задатков.

Иногда, мне казалось, что мужчиной в семье была я. И не потому, что в детстве с упоением читала автомобильные атласы и сидя с папой в гараже, училась забивать в деревяшки гвозди. Не потому, что отец научил меня паять и помог сделать своими руками мой первый приемник. Не потому что научил ловить рыбу и печатать фотографии. И это не то, как делают фотографии сейчас. Это целое магическое действие, которое происходило тогда в темной ванной комнате при красном фонаре. С погружением фотобумаги в особые растворы, длительными приготовлениями и уникальным процессом.

А потому что в супруге совершенно отсутствовала инициатива, желание что-то изменить, улучшить, приложить усилия, чтобы облегчить совместное пребывание в этом совсем забытом Богом месте.

Мой духовный учитель утешал меня, что если я сейчас нахожусь в этом месте, то значит это для чего-то нужно. Значит тут есть мои задачи, моя миссия. Только я никак не могла понять, в чем она именно.

Особенное удивление вызывала почта. До ближайшего почтового отделения нужно было ехать на автобусе в соседнюю деревню. Там заказывать переговоры. Помните, были такие почтовые кабинки на почте, и нужно было вызывать абонента. В кабинке стоял древний телефон. Вас подзывали к нему и можно было говорить. Да, сотовые телефоны тогда уже появились. Но минута разговора с Питером стоила 35 рублей. Внимательно пересчитываем – тридцать пять рублей. А минута звонка с почты – всего 10 рублей. Поэтому приходилось все-таки тащиться на почту.

Я поднимала глаза на большую карту России, которая висела на стене почтового отделения. Следила мысленно за расстоянием от того места, где я еще так недавно жила, до того места, где теперь оказалась, и холодный и жуткий страх скручивал меня пополам, отзываясь дикими позывами в моем животе. Мне казалось, что это навсегда. И от этой мысли меня прошибал холодный пот.

Вполне возможно, что огромная часть нашей страны в далеких селах все еще живет также. Но это никогда не придет в голову человеку, который нежится где-нибудь на Крите или не вылезает из бизнес-центра в Москве.

Глава 7

Одежда и обувь в ту пору являлись особой проблемой. Я имею в виду нормальную одежду и обувь. Не было ни полноценных магазинов, ни, тем более, бутиков.

Все, что можно было купить, покупалось на китайском рынке. Выбор на рынке был достаточно скудный, но деваться было некуда. Там приобретались и куртки-пуховики, и кроссовки, и одежда для детей. Иногда там можно было купить даже мебель и аксессуары для машины.

Китайцы очень забавно торгуются. Сначала они называют максимально возможную цену товара. Например, – пять тысяч рублей. Потом, если ты воротишь носом и делаешь вид, что товар тебе совершенно не интересен, цена вдруг падает ровно в два раза. Затем, если ты совершаешь неумовленное движение в сторону, словно уходишь, цена становится предельно низкой. Хозяин шмоточного развала ожесточенно жестикулирует, уговаривая тебя купить выбранную тобой вещь практически за бесценок. Тут уже надо брать. Потому что продавец может разозлиться не на шутку и начать посылать в твой адрес грозные проклятья. Были прецеденты, когда особо озлобленные из них нападали на потенциального покупателя.

Надо сказать, что я всегда весьма практична в выборе одежды. Мне важно, чтобы она была удобной и комфортной.

И это основное требование, которое я к ней предъявляю. Я достаточно быстро вижу моя это вещь или не моя, хотела бы я видеть это на себе или нет. Поэтому магазины пролетаю на второй космической скорости, и покупки занимают у меня крайне мало времени. Я не умею и не хочу медитировать долго над вещами. Мне крайне жалко на это времени. А тут, собственно, и медитировать было не над чем.

Мой супруг, не в пример мне, мог потратить на выбор всего одной вещи целый день, изъездить несколько магазинов и торговых точек и так ничего и не купить. Меня это неречно бесило. Такой подход к покупкам выглядел каким-то совершенно женским. При этом его совершенно не интересовало, а нравится ли мне то, что он купил. И, очевидно, ему никогда не приходило в голову, что спортивные штаны, в которых ему, видимо, было удобно, или постоянное ношение военной формы, могло совершенно не способствовать тому, чтобы я увидела в нем снова интересного и сексуального мужчину. Один единственный раз, когда он посоветовался со мной о том, что ему купить, закончился тем, что я вдруг заново в него влюбилась, увидев его с новой и совершенно неожиданной для себя стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.